

Check for updates

Философия образования

Научная статья

УДК 141.412; 141.45; 37.017.922

EDN [RWLHTR](#)

<https://www.doi.org/10.33910/3034-4255-2026-3-1-80-88>

Методологический атеизм и теизм: специфика подхода к изучению идентичности личности на рубеже XIX–XX вв.

Д. А. Федчук ^{✉1}, М. В. Колмакова ¹, А. С. Шевченкова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Федчук, Д. А., Колмакова, М. В., Шевченкова, А. С. (2026) Методологический атеизм и теизм: специфика подхода к изучению идентичности личности на рубеже XIX–XX вв. *Современное образование и общество*, т. 3, № 1, с. 80–88. <https://www.doi.org/10.33910/3034-4255-2026-3-1-80-88> EDN [RWLHTR](#)

Получена 18 февраля 2026; прошла рецензирование 23 апреля 2026; принята 3 июня 2026.

Финансирование: Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 45-ВГ).

Права: © Д. А. Федчук, М. В. Колмакова, А. С. Шевченкова (2026). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY 4.0](#).

Аннотация. Методологический теизм и атеизм являются двумя теоретическими установками, которые позволяют подойти к проблеме преподавания религии, теологии и философии в школе и университете более продуктивно. Поскольку феномен религиозной веры очень сложен, то он предполагает синтез теоретических предпосылок, применяемых в каждой из указанных двух позиций. Религия способна познаваться в разных модусах, которые зависят от позиции рефлексии исследователя. Соединение методологического теизма и атеизма в подходе к вопросам сущности религии, основных проблем теологии монотеизма и становления религиозных институтов даст возможность рассмотреть феномен религиозной веры в контексте таких наук, как история, социология, антропология и философия. Таким образом, с одной стороны, следует принять точку зрения теизма, чтобы получить доступ к проблемам веры на основе личного опыта верующего, с другой стороны, зафиксировав этот опыт, можно исследовать конкретные вероисповедания с позиции методологического атеизма, позволяющего практиковать более строгий научный подход. В результате применения этих рекомендаций в образовании можно добиться более эффективного формирования персональных доминант, которые предоставляют человеку возможность в процессе воспитания стать личностью.

Ключевые слова: методологический теизм, методологический атеизм, религия, персональная доминанта, личность, образование, Бог

Methodological atheism and theism: The specifics of the approach to studying personal identity at the turn of the 19th–20th centuries

D. A. Fedchuk ^{✉1}, M. V. Kolmakova ¹, A. S. Shevchenkova ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Fedchuk, D. A., Kolmakova, M. V., Shevchenkova, A. S. (2026) Methodological atheism and theism: The specifics of the approach to studying personal identity at the turn of the 19th–20th centuries. *Modern Education and Society*, vol. 3, no. 1, pp. 80–88. <https://www.doi.org/10.33910/3034-4255-2026-3-1-80-88> EDN RWLHTR

Received 18 February 2026; reviewed 23 April 2026; accepted 3 June 2026.

Funding: The research was supported by an internal grant from Herzen University (project No. 45-VG).

Copyright: © D. A. Fedchuk, M. V. Kolmakova, A. S. Shevchenkova (2026). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY License 4.0.

Abstract. Methodological atheism and theism are two theoretical attitudes that allow a more productive approach to teaching religion, theology, and philosophy in schools and universities. Given the complexity of religious faith, its analysis requires a synthesis of the theoretical premises applied within each of these two attitudes. Religion can be cognized through different modes depending on the researcher's reflexive position. Combining methodological theism and atheism when examining the essence of religion, the main problems of the monotheistic theology, and the development of religious institutions allows the phenomenon of religious faith to be considered within disciplines such as history, sociology, anthropology and philosophy. Thus, on the one hand, a theistic perspective must be adopted to access the problems of faith through the believer's personal experience. On the other hand, once this experience is captured, specific faiths can be considered from the standpoint of methodological atheism, which ensures a more rigorous scientific approach. Applying these recommendations in education will facilitate a more effective formation of personal 'dominants', enabling individuals to develop as persons within the educational process.

Keywords: methodological theism, methodological atheism, religion, personal dominant, personality, education, God

Введение

Сегодня российское общество часто сталкивается с попытками пересмотра традиционных ценностей, верность которым на протяжении нашей истории обуславливало его единство и существование. Меняются эпохи и культуры, вместе с ними изменяются и аксиологические ориентиры, однако их трансформации не должны быть тотальными, поскольку это может привести сперва к культурному и национальному декадансу, а позже и к распаду национального государства. Одним из важнейших инструментов поддержания целостности национальной культуры на протяжении столетий была религия с соответствующей системой ценностей. Позже в ней добавилось научное знание и вера в его достижения. Даже несмотря на тот факт, что большинство людей далеки от профессионального понимания и занятия наукой, они все равно, в той или степени, разделяют установленные ею истины и пассивно усваивают научные идеи через воздействие на сознание культурной среды. Так формируется

мировоззрение. В современном мире на этот процесс влияет система среднего и высшего образования (Школа). Именно в Школе закладываются теоретические и гуманистические основы мировоззрения личности. Но Школа вводит человека в мир научных знаний, он общается к ним так или иначе, даже когда и не планирует заниматься наукой профессионально. Если же рассматривать конкретно те области изучения, что прямо конституируют ценностную систему и культуру субъекта, то мы бы к ним отнесли религию и связанные с ней науки (историю Церкви, богословие, общее научное изучение феномена религиозной веры), а также философию. По этой причине мы хотим обратить внимание на две теоретических предпосылки, существовавших в прошлом веке, но сегодня уже не вызывающих столь сильного интереса, как прежде. В XX в. они обсуждались теми учеными, которые принимали одну из них как изначально необходимую для понимания религии, жизни и человека. Мы имеем в виду методологический атеизм и методологический теизм. Однако второй

не имел столь большой популярности в ученом сообществе в отличие от первого. Поэтому мы начнем обсуждение с методологического атеизма.

Методологический атеизм

В западной философии, теологии и религиоведении вопросу методологического атеизма посвящено достаточно много работ. В русской религиоведческой и философской мысли советского периода этим занимались мало и считалось, что русское религиоведение в этом вопросе сильно отстало от западного (Бубнов 2016). Стоит также помнить, что методологический атеизм возникает позже теизма. Формально он порой развивался по аналогии с научным или философским позитивистским подходом, подчеркивая роль эмпирического, критического и фальсифицируемого метода в познании мира и человека. Его представители внесли значительный вклад в развитие научной методологии, уход от догматической религиозной установки, а также способствовали расширению секулярных и гуманистических подходов в науке и философии. Так, Л. Выготский писал о необходимости исключения религиозных взглядов и суеверий из научного изучения психики человека; К. Поппер, разрабатывая концепцию фальсифицируемости научных гипотез, рекомендовал категорический отказ от религиозных догм именно по той причине, что положения теологии не фальсифицируемы (Поппер 1993; 2004).

Однако нас интересует в первую очередь точка зрения философов на атеизм и теизм в контексте возможности и последствий его включения в философский дискурс. С развитием позитивизма в XIX в. интерес к религии как объективному социальному феномену стал интенсивно нарастать. Начало этому положил Эмиль Дюркгейм, который всегда строго настаивал на том, чтобы методологически социология была аналогична естественным наукам: налицо объект научного интереса — общество, и от социолога требуется исследовать этот феномен в его наличном бытии, описав законы, согласно которым он существует, структуру, позволяющую понять внутренние механизмы его функционирования, способы управления им, прогнозирование его генезиса и всего, что связано с различными сторонами социальной жизни как таковой. Говоря упрощенно, социолог должен работать так, как работает, например, биолог — т. е. объективно изучать, пренебрегая любого рода метафизикой, навязываемой социальными мыслителями прошлого. Нет нужды познавать сущность общества, а присутствует

необходимость усмотреть и сформулировать законы его жизни. Следуя подобного рода рекомендациям, имеющим общий для позитивных наук характер, некоторые исследователи религии подходили к ней именно как к объективному социальному явлению. Методологический теизм в какой-то степени этому следовал, однако стоит понимать, что религия — это особый предмет изучения в том смысле, что понимание его всегда идеологически нагружено. Это неизбежно, ибо религия связана с областью формирования общественного сознания, личностного мировоззрения и политической власти, а власть навязывает обществу систему ценностей. Верит ли конкретный субъект в Бога или же нет, в любом случае его сознание будет ангажировано идеологией, играющей очень важную роль в мирозерцании: проблемы бытия Бога и сотворения универсума (или же категорическое отрицание этого) затрагивают ту область человеческого сознания, из которой произрастают фундаментальные для личных убеждений и жизни идеи. От них не только так просто не отказываются, но и с трудом позволяют, даже в малой степени, сместить их на второй план жизни ради методологических требований чистоты научного знания. Поэтому требование от социолога, религиоведа и философа быть беспристрастным в изучении проблем религиозной веры выполнимо с большим трудом. Религию можно и необходимо изучать научно, но делать это надо так, чтобы не затрагивать болезненных сторон религиозно фундированного сознания как самого исследователя, так и читающих его труды людей.

В качестве выхода из сложившейся ситуации и был предложен методологический атеизм, который ввел известный социолог Питер Бергер в работе «Священная завеса» (Бергер 2019; Бубнов 2023). Идея концепции ясна: исследователь религии должен, по причине объективности подхода и чистоты исследования, занять позицию, которая описывается словами «как если бы Бога не было» (Бубнов 2016, 131). Такого рода требование можно объяснить через аналогию. Когда мы занимаемся математикой, то постигаем содержащиеся в ней идеи без связи с тем, что их истинность зависит от Бога или, наоборот, не зависит. Нам достаточно того, что суть определений, постулатов, теорем и следствий из них понятны «в себе» и вне контекста их божественного или только лишь человеческого происхождения. Поэтому для беспристрастного научного изучения религии ученый должен принять нейтральную позицию по вопросу о существовании Бога. Считалось, что

она не может выставить ученого в невыгодном для него свете: словно он девальвирует ценность собственных религиозных убеждений в угоду требованиям сциентизма. Это напоминает отчасти идею средневековой концепции двойной истины, гласившей, что нечто может быть истинным с точки зрения философии и ложным с позиции теологии. Здесь также подразумевалось, что мыслитель при обращении к философии абстрагируется от того, чему учит Священное Писание и откровенная теология (*theologia revelata*), и обосновывает свою точку зрения посредством света естественного разума. Последний помогает ему объяснить многое в тварном сущем, в природе. Да и большинство из современных верующих христиан, с позиции представителей методологического атеизма, ведут себя схожим образом даже в делах повседневной жизни, а именно: они мыслят и поступают, не обращая внимания на Бога — таким образом, словно он не существует. Иными словами, сознание современного западного человека элиминирует Бога из центрального контекста жизненного мира, помещая Его на периферию горизонта своей экзистенции — как будто Творца нет; однако в случае необходимости Бог возвращается из периферийного положения в центральное, но ненадолго. При этом современный человек не испытывает какого-либо психологического или нравственного дискомфорта, а полагает такое отношение с Богом вполне естественным.

Методологический атеизм следует понимать как выбранную исследователем теоретическую предпосылку для беспристрастного изучения религиозных феноменов, а не в качестве мировоззрения, поскольку последнее уже будет собой представлять идеологему, родственную позиции атеизма «вульгарного» (Бубнов 2016, 143–144). Можно воспользоваться взятой из гуссерлевой феноменологии аналогией. Как феноменолог, совершая феноменологическую редукцию, не утверждает, что мир естественной установки (жизненный мир) не существует, а лишь воздерживается от полагающих или отрицающих его бытие суждений, так и методологический атеист как ученый не присоединяется к тезису «Бог существует», а работает в границах выбранного им научного поля таким образом, что ищет истолкование любым религиозным феноменам, не принимая во внимание существование Бога и вытекающих из признания Его экзистенции эффектов. Таким образом, как считают, достигается объективная научная позиция: объяснять только на основе имеющихся в распоряжении фактов (исторических, культурных,

текстуальных) и коррелятивных им аргументов. Однако здесь можно задать вопрос о чистоте метода. Позволяет ли он изучить религию — допустим, христианство — в ее содержательной полноте и исторической обусловленности определенными культурными, политическими и социальными процессами?

Именно здесь возникает линия демаркации между объективно-научным познанием и ценностно-имманентным конкретной вере пониманием ее сущности. Второй вариант предполагает наличие мировоззренческих, теистических и философских предпосылок. Теперь обратимся к содержанию методологического теизма.

Методологический теизм

Первое десятилетие XX в. в российской научной среде было ознаменовано усилением позиции методологического теизма как одной из наиболее значимых мировоззренческих доминант. Методологический теизм, будучи способом изучения личности, означал использование религиозных и духовных ориентиров преимущественно православного вероисповедания в научных и педагогических подходах к пониманию человеческой природы в связи с ее дальнейшим совершенствованием. Центральным считался божественный аспект индивидуальности, раскрываемый через исследование человека как сущего, сотворенного по образу и подобию Бога. Духовные начала личности, о которых писало большинство русских религиозных философов, нуждаются в выявлении и совершенствовании. Персона же понималась как единство физических, моральных, интеллектуальных и духовных компонентов. В педагогике и психологии того времени подчеркивалась необходимость воспитания духовных качеств, морали, веры, ибо они образуют фундамент персонального генезиса. С методологической точки зрения речь шла о внутренней духовной динамике, ведущей к самопознанию, совершенствованию и достижению духовных целей, а религиозно-философские концепции рассматривались в качестве основы объяснения нравственного и духовного развития, формирования характера и внутреннего мира человека.

Методологический теизм как научно-мировоззренческая доминанта оказывал влияние в том числе и на педагогические идеи, связанные с воспитанием через духовность, нравственность и религиозное сознание (Гальцова 2014; Зинковский 2012). С этой точки зрения человек есть созданное Творцом существо, поэтому постижение внутреннего мира должно включать

в себя обращение к духовному началу (Зинковский 2018; Иоанн (Зизиулас) 2006).

Так, В. В. Розанов истолковывал человека как, в первую очередь, духовное существо, связанное с Богом и вечной историей. В работах философа ярко проявлялась идея о внутренней духовной борьбе и необходимости духовного обновления личности через религиозное переживание. Вера в Бога и духовное начало — это не просто допущение, а фундаментальный источник жизни и смысла человека. Личность раскрывается через религиозную молитву, духовное напряжение и внутреннее созерцание (Розанов 2000, 451). В этом смысле позиция Розанова близка к использованию религиозных предпосылок как основ для понимания сущности человеческой личности, что соответствует положениям методологического теизма.

В свою очередь, Н. А. Бердяев развивал идею о человеке как о существе, сотканном из духовного и свободного начал. Прежде всего личность обладает свободной волей и способностью к внутренней духовной трансформации, ведущей ее к Богу. Для Бердяева вера и духовность — не только предпосылки, но и суть человеческого существования и развития. В его философии религия выступает как источник смыслов и ориентир для личностного становления и самопознания (Бердяев 1994). Духовная свобода и вера открывают личности путь к самореализации, а познание человека в целом невозможно без учета духовной природы последнего. Таким образом, позиция Бердяева тоже соответствует идее обращения к религиозному началу в методологии изучения личности (Бердяев 1936).

Теперь рассмотрим подробнее, как методологический теизм реализовывался в философско-педагогической концепции С. И. Гессена, которая в гуманитарной традиции XX в. занимает особое место. Гессен ставит перед собой задачу целостного философского осмысления образования через анализ педагогических теорий и практик прошлых веков. Он соотносит их с идеей духовно-нравственного становления человека, испытавшей на себе влияние неокантианства, персонализма и христианской антропологии. Как отмечает В. А. Кравцов, в мировой педагогической теории не существует аналогов столь систематическому применению неокантианской методологии для осмысления основ образовательного процесса (Кравцов 2001, 5), при этом системообразующим принципом философии образования Гессена можно назвать идею личности (Кравцов 2001, 33).

Гессен понимает личность динамически, как процесс становления — она не выступает не-

которой пред-заданной вещью, но устремлена к ценностям и смыслам, превышающим ее саму. Именно сверхиндивидуальные задачи и ценности служат фундаментом всякой индивидуальности. Личность «обретается только через работу над сверхличными задачами. Она создается лишь творчеством, направленным на осуществление сверхличных целей науки, искусства, права, религии, хозяйства, и измеряется совокупностью сотворенного человеком в направлении этих заданий культуры» (Гессен 1995, 73–74). На таком фоне отчетливо видна роль прививаемого индивиду в процессе образования гражданского самоопределения, а также осознания национальных интересов как собственных, чувства причастности своего Я некоторому сверх-Я. Следует отметить, что, работая с идеями нации и национального, Гессен совершает похожий ход: понимаемая как коллективное лицо, как «соборная индивидуальность» нация также «возможна через сверхиндивидуальное, в данном случае сверхнациональное, общечеловеческое» (Гессен 2010, 519). «Что может быть национальнее и вместе с тем общечеловечнее Гете и Пушкина? Чем человечнее, тем национальнее, чем национальнее, тем человечнее» (Гессен 2010, 522).

Развитие свободной личности, т. е. индивидуальности, как можно более приближенной к разрешению сверхиндивидуальных задач, составляет задачу нравственного образования. Оно выступает способом самоопределения личности, последовательно проводя ее по ступеням обретения собственной духовной свободы. Для концептуального схватывания сущности каждого из этапов Гессен применяет диалектическую триаду «аномия, гетерономия, автономия»: переход от состояния социального беззакония, через внешнее подчинение к свободному творческому нравственному самоопределению. Ландшафтом для развертывания данных этапов выступают следующие ступени образования: дошкольное, школьное и внешкольное.

Личность на этапе аномии живет преимущественно по законам природы и действует произвольно, что делает невозможным организацию полноценной работы. На этой стадии возможна лишь подготовка к будущей работе, и такая подготовка лучше всего реализуется в форме игры: «Вся задача дошкольного образования поэтому сводится к правильной организации игры ребенка» (Гессен 1995, 95). Для того чтобы игра не была лишь забавой (в таком случае содержащийся в ней урок не будет усваиваться), но последовательно приводила личность к следующему этапу развития, от преподавателя требуется

формирование авторитетной позиции: «В подчинении авторитету есть уже момент положительной оценки, чего нет в подчинении простой силе» (Гессен 1995, 100).

Степень гетерономии воспитывает в человеке общественное сознание. Именно на этом этапе происходит воспитание человека к творчеству как неотъемлемому качеству свободной личности. Гессен понимает творчество как высоко развитое чутье дистанции между замыслом и выполнением, требующей устремленности, работы и старания, поэтому «преждевременное превращение урока в творчество ведет не к воспитанию творцов, а к воспитанию дилетантов, удовлетворяющихся расплывчатой общностью, приблизительностью исполнения, которая закрывает всякий путь к подлинному творчеству» (Гессен 1995, 125). Неразрывная связь свободы и принуждения (на этапе гетерономии — принуждения внешнего) выражается в том числе и в обязательном характере общего среднего образования: «Сферой обязательного обучения была и остается школа, как бы предназначенная к тому всем своим гетерономным характером» (Гессен 1995, 183). Высшей же ступенью нравственного образования личности Гессен называет автономию как свободное нравственное определение и исходящее от самого человека стремление к самообразованию и, в пределе, к научному творчеству. Внешкольное образование, в рамках которого личность впервые может испытать опыт свободы, «более всего развито именно там, где широко и правильно поставлено образование школьное, не только не делающее ненужным внешкольное образование, но, напротив, вызывающее в нем особенную потребность» (Гессен 1995, 221).

Философские взгляды С. И. Гессена формировались в эпоху глубоких социальных и культурных трансформаций начала XX в., которые определили специфику его понимания образования и методических принципов, лежащих в его основании. Подход Гессена к личности, ее общественному и индивидуальному аспектам, ее взаимосвязи с культурой и общечеловеческими ценностями служит примером теистически фундированной позиции, выраженной философским языком.

Заключение. Современное образование и два вида методологического атеизма

Рассмотренное нами выше позволяет задать вопросы: можно ли использовать методологический теизм и атеизм в практиках современ-

ного образования? Не является ли теистический подход устаревшим, а атеистический — строго научным и формальным, и потому неприменимым в ситуации конституирования личности от школы до университета? Образование создает личность, чьими конституэнтами служат ценности, а они входят в процесс формирования персональных доминант. Персональные доминанты суть те ориентации нравственного субъекта, которые дают возможность признать в нем личность. К ним относятся: ориентация в жизни на Высшее благо и добродетель; жертвенность ради достижения высших целей; признания личностью того факта, что она есть представитель конкретной национальной культуры; утверждение в других субъектах их абсолютного персонального статуса безотносительно к тому, какую культуру и национальность они представляют, какой социальной страте принадлежат, а также уровня их благосостояния; открытость миру и ясно эксплицируемая приверженность к конкретным фундаментальным жизненным ценностям. Соединение в образовательном процессе, осуществляющем во многом также и просвещенческую функцию, изучения основ религии и философии способно помочь образованию персональных доминант. Безусловно, существуют возражения на такого рода синтез — на сближение религиозного, философского и нравственного образования. Их можно свести к трем базовым пунктам. Во-первых, необходимо принимать во внимание автономный характер морали для сохранения нравственного поведения в случае отказа ученика от религиозных воззрений. Во-вторых, религиозные чувства, опыт и восприятие не должны сводиться к другим аспектам духовности. В-третьих, ситуация социального запроса к школе может привести к упрощению и профанированию религиозного содержания (Козырев 2010, 124–125). Тем не менее знакомство с религией и ее философским пониманием способно существенно обогатить личность.

Так, Ф. Н. Козырев предлагает следующие методы изучения и преподавания религии: феноменологический, герменевтический и конструктивистский. Исследователь пишет об этом: «Феноменологический метод предоставляет возможность избежать идеологической избирательности интерпретаций религиозных переживаний и представлений. Он позволяет установить и научно обосновать такую культуру участников педагогического процесса к предмету изучения и между собой, которая учит возрастать в религиозном понимании и взаимопонимании, не навязывая и даже не предполагая общности взглядов на достоверность

религиозных верований. В российском образовательном контексте это особенно важно, поскольку указанная избирательность, унаследованная российским религиоведением от научного атеизма, до сих пор является одним из коренных недостатков отечественной научной традиции изучения религии» (Козырев 2010, 243). Вовлечение обучающегося в герменевтическую активность «представляет собой, возможно, самый прямой путь к развитию в нем способности к религиозному суждению, т. е. к достижению того, что И. Ильин считал главной целью религиозного образования» (Козырев 2010, 304). В свою очередь, конструктивизм как методологический подход в образовании отражает нацеленность на внутренние структуры сознания учащегося и, помимо развиваемых феноменологией и герменевтикой понимания и вчувствования в содержание образования, способствует их точечному изменению. «Материалом, с которым работает педагог в этом случае, становятся не культурные содержания, а внутренние нарративы и личностные конструкты учащихся. А ключевым процессом, на который делается ставка в достижении развивающих педагогических целей, — не предъявление (экспозиция) учащемуся идеалов и смыслов и даже не самостоятельное отыскание им идеалов и смыслов в культурном контексте, а их интериоризация (усвоение), встраивание внешних содержаний во внутреннюю структуру (конструкты) сознания учащегося и изменение последних в ходе указанного процесса» (Козырев 2010, 345).

Для эффективного изучения сущности религиозной веры — православия или ислама — ее основных догматов и влияния исторических религий на жизнь человека и общества, для разработки научных концепций дальнейшего генезиса общества с целью преодоления назревающих в нем внутренних конфликтов — для всего этого имеет смысл вести речь о синтетическом соединении методологического теизма и методологического атеизма. Первый позволит понимать вопросы религиозной веры из нее самой, не превращая религию в предмет непредвзятого научного интереса, из которого элиминированы все «субъективные» наложения, способные, с точки зрения научного подхода, исказить его. Феномен религиозной веры особенный, он сущностно отличается от многих других предметов научного знания; он требует проживания верующим личного опыта веры, не редуцируемого ни к какому иному аналогичному опыту, предоставляющему столь глубокое проникновение в природу религии. Второй

предоставит возможность и создаст условия для теоретического изучения религии в контексте исторической науки, социологии и философии.

Мы не видим в подобной позиции противоречия. Один и тот же объект может быть предметом разных наук — это трюизм. Так что Бог, его бытие, формы религиозной веры, религия как социальный институт и форма общественного сознания и т. п. — все это становится темой изучения для разных методологических и научных подходов. В каком модусе нам предстанет религия — зависит от позиции рефлексии исследователя, но очевидно, что вряд ли существует один единственный, объективный и методологически «чистый» подход к ее изучению. При понимании сложных явлений культуры необходимо практиковать плюралистичность точек зрения, поскольку они создают широкий горизонт интерпретаций, позволяющий избегать искажений, включенных в такие феномены смыслов.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Д. А. Федчук написал короткую вводную часть статьи, большую часть раздела по методологическому атеизму и общие выводы по статье в заключении. Также им было осуществлено окончательное редактирование текста публикации и оформление всего материала согласно предъявляемым требованиям.

А. С. Шевченкова работала над написанием большей части раздела по методологическому теизму, касающейся русских философов, и заключительного раздела статьи.

М. В. Колмакова помогала в написании первой части по методологическому атеизму, а также внесла существенные дополнения в раздел по методологическому теизму.

Author Contributions

D. A. Fedchuk: wrote the short introductory section, most of the section on methodological atheism, and the general conclusions in the concluding section. He also undertook the final editing of the manuscript and formatted the material in accordance with the submission guidelines.

A. S. Shevchenkova: wrote most of the section on methodological theism concerning Russian philosophers, and the concluding section.

M. V. Kolmakova: assisted in writing the first part of the section on methodological atheism and made significant contributions to the section on methodological theism.

Список литературы

- Бергер, П. (2019) *Священная завеса. Элементы социологической теории религии*. М.: Новое литературное обозрение, 208 с.
- Бердяев, Н. А. (1936) Проблема человека (К построению христианской антропологии). *Путь*, № 50, с. 3–26.
- Бердяев, Н. А. (1994) *Философия свободного духа*. М.: Республика, 480 с.
- Бубнов, Е. С. (2016) Что такое методологический атеизм? *Религиоведческие исследования*, № 2 (14), с. 125–150.
- Бубнов, Е. С. (2023) Методологический атеизм Питера Бергера. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, т. 41, № 1, с. 269–298. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-1-269-298>
- Гальцова, Е. С. (2014) *Феномен духовно-нравственного становления и развития личности в России XIX — начала XX вв. в контексте современных проблем воспитания. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата педагогических наук*. Елец, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 24 с.
- Гессен, С. И. (1995) *Основы педагогики. Введение в прикладную философию*. М.: Школа-пресс, 448 с.
- Гессен, С. И. (2010) *Избранное*. М.: РОССПЭН, 960 с.
- Зинковский, М., иеромон. (2012) Богословское понятие человеческой личности в свете педагогической науки. *Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология*, вып. 3 (26), с. 101–119.
- Зинковский, М., иеромон. (2018) Соотношение понятий «личность», «сущность» и «общение» в богословии митрополита Иоанна Зизиуласа. *Вестник РХГА*, т. 19, № 1, с. 73–91.
- Иоанн (Зизиулас), митр. (2006) *Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви*. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 280 с.
- Козырев, Ф. Н. (2010) *Гуманитарное религиозное образование*. СПб.: РХГА, 392 с.
- Кравцов, В. А. (2001) *Философско-педагогическая теория С. И. Гессена*. Тольятти: Орбита-Принт, 83 с.
- Поппер, К. (1993) *Логика научного исследования*. М.: Республика, 604 с.
- Поппер, К. (2004) *Предположения и опровержения: рост научного знания*. М.: АСТ; Ермак, 640 с.
- Розанов, В. В. (2000) *Метафизика христианства*. М.: АСТ, с. 864.

References

- Berger, P. L. (2019) *The sacred canopy: Elements of a sociological theory of religion*. Moscow: New Literary Observer Publ., 208 p. (In Russian)
- Berdyaev, N. A. (1936) The problem of man (Towards the construction of a Christian anthropology). *Put'*, no. 50, pp. 3–26. (In Russian)
- Berdyaev, N. A. (1994) *Philosophy of the free spirit*. Moscow: Respublika Publ., 480 p. (In Russian)
- Bubnov, E. S. (2016) What is methodological atheism? *Researches in Religious Studies*, no. 2 (14), pp. 125–150. (In Russian)
- Bubnov, E. S. (2023) Methodological atheism of Peter Berger. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, vol. 41, no. 1, pp. 269–298. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-1-269-298> (In Russian)
- Gal'tsova, E. S. (2014) *The phenomenon of spiritual and moral formation and personal development in Russia of the XIX — early XX centuries in the context of modern problems of education. Extended abstract of the PhD dissertation (Pedagogy)*. Elets, Bunin Elets State University, 24 p. (In Russian)
- Gessen, S. I. (1995) *Principles of pedagogy. Introduction to applied philosophy*. Moscow: Shkola-Press, 448 p.
- Gessen, S. I. (2010) *Selected works*. Moscow: ROSSPEN Publ., 960 p. (In Russian)
- John (Zizioulas), Metropolitan (2006) *Being as communion. Studies in personhood and the Church*. Moscow: St. Philaret's Orthodox Christian Institute Publ., 280 p. (In Russian)
- Kozyrev, F. N. (2010) *Humanitarian religious education*. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 392 p. (In Russian)
- Kravtsov, V. A. (2001) *Philosophical and pedagogical theory of S. I. Gessen*. Tolyatti: Orbita-Print, 83 p. (In Russian)
- Popper, K. R. (1993) *The logic of scientific discovery*. Moscow: Respublika Publ., 604 p. (In Russian)
- Popper, K. (2004) *Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge*. Moscow: AST Publ.; Ermak Publ., 640 p. (In Russian)
- Rozanov, V. V. (2000) *Metaphysics of Christianity*. Moscow: AST Publ., p. 451. (In Russian)
- Zinkovskiy, M., Hieromonk (2012) Theological concept of human personality in the light of pedagogical scholarship. *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, no. 3 (26), pp. 101–119. (In Russian)
- Zinkovskiy, M., Hieromonk (2018) Correlation of the concepts of “person”, “essence” and “communion” in the theology of metr. Jh. Zizioulas. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, vol. 19, no. 1, pp. 73–91. (In Russian)

Сведения об авторах

Федчук Дмитрий Аркадьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философской антропологии и истории философии института философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

SPIN-код: [6244-9301](#), Scopus AuthorID: [57198522277](#), ORCID: [0000-0003-4784-1512](#), e-mail: fedchukd@list.ru

Колмакова Мария Владимировна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры философской антропологии и истории философии института философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

SPIN-код: [7387-9547](#), Scopus AuthorID: [57219551767](#), ResearcherID: [GWR-1298-2022](#), ORCID: [0000-0002-4049-7838](#), e-mail: kolmakovamv@yandex.ru

Шевченкова Анастасия Сергеевна, ассистент кафедры философской антропологии и истории философии института философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
SPIN-код: [1035-2423](#), Scopus AuthorID: [59333604500](#), ResearcherID: [HHM-4452-2022](#), ORCID: [0000-0002-9876-7909](#), e-mail: anastasia.shevchenkova@gmail.com

Authors

Dmitry A. Fedchuk, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy of the Institute of Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia
SPIN: [6244-9301](#), Scopus AuthorID: [57198522277](#), ORCID: [0000-0003-4784-1512](#), e-mail: fedchukd@list.ru

Maria V. Kolmakova, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Research Fellow of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy of the Institute of Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia
SPIN: [7387-9547](#), Scopus AuthorID: [57219551767](#), ResearcherID: [GWR-1298-2022](#), ORCID: [0000-0002-4049-7838](#), e-mail: kolmakovamv@yandex.ru

Anastasia S. Shevchenkova, Assistant of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy of the Institute of Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia
SPIN: [1035-2423](#), Scopus AuthorID: [59333604500](#), ResearcherID: [HHM-4452-2022](#), ORCID: [0000-0002-9876-7909](#), e-mail: anastasia.shevchenkova@gmail.com